Наталья Душакова

Как религия становится более заметной в публичном пространстве: старообрядческие сообщества в социальных сетях

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-184-206

Natalia Dushakova

How Religion Becomes Visible: Old Believers' Communities in Social Media

Natalia Dushakova — Laboratory for Theoretical Folklore Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Moscow, Russia). nataliadusacova@gmail.com

The article discusses how Old Believers create the space of a new visibility of their religion in social media. The author analyzes online and offline practices as complementing each other, examining Facebook pages of those communities and settlements in which field anthropological studies were previously conducted (the North-Western Black Sea region). Based on Heidi Campbell's theoretical approaches and using materials from online observations and field research as sources, the author analyzes two ways of self-representing Old Believers in social media: 1) digital narrative on behalf of the religious community that is an institutionally encouraged and authorized way to make religion visible in public space, 2) digital narrative about the community's everyday life and Old Believers' lived religion. Despite all the differences, in both cases visible religion is being constructed online for both internal and external users.

Keywords: mediatization of religion, social media, visible religion, digital narrative of a religious community, lived religion, Old Believers.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Душакова Н. Как религия становится более заметной в публичном пространстве: старообрядческие сообщества в социальных сетях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(2). С. 184–206.

Dushakova, Natalia (2020) "How Religion Becomes Visible: Old Believers' Communities in Social Media", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 38(2): 184–206.

Одним из следствий медиатизации религии является то, что она становится более заметной в публичном пространстве. Сегодня любой пользователь социальных сетей может не только узнать что-то о той или иной старообрядческой общине, но и «заглянуть» в храм: в сеть выложены многочисленные фотографии и видео богослужений. Часто в старообрядческих церквях существует запрет на съемку во время проведения служб (она возможна с благословения священника), а представитель другой конфессии может наблюдать за богослужением только стоя на паперти. Последнее правило институционально закреплено, в частности, в постановлении Совета Митрополии Русской Православной Старообрядческой Церкви в феврале 2015 года: «Просьба к нестарообрядцам — в течение всего богослужения стоять в притворе, не проходить вглубь храма, не прикладываться к иконам и воздерживаться от внешних молитвенных действий»[1]. В социальной сети нередко можно получить больше визуальной информации, чем стоя в притворе.

В этом контексте закономерно возникают два взаимосвязанных вопроса: (1) каким образом представители религиозных сообществ обеспечивают присутствие своей религии в социальных сетях, делая ее более заметной в публичном пространстве, а с другой стороны, (2) какое влияние подобное повышение уровня публичности оказывает на сами сообщества.

О том, как интернет влияет на христианские верования и практики, написано много исследований англоязычными экспертами (Г. Янг[2], Д. Херринг[3], М. Лэйни[4], Л. Доусон[5], П. Диксон[6],

1. Постановления Совета Митрополии Русской Православной Старообрядческой Церкви, 4–5 февраля 2015 года: http://rpsc.ru/docs/sovet_mitropolii/sm2015_february/
2. Young, G. (2004) “Reading and Praying Online: The Continuity in Religion Online and Online Religion in Internet Christianity”, in L.L. Dawson, D.E. Cowan (eds.) Religion Online: Finding Faith on the Internet, pp. 86–97. New York: Routledge.
3. Herring, D. (2005) “Virtual as Contextual: A Net News Theology”, in M.T. Højsgaard, M. Warburg (eds.) Religion and Cyberspace, pp. 149–165. New York: Routledge.
4. Laney, M. (2005) “Christian Web Usage: Motives and Desires”, in M.T. Højsgaard, M. Warburg (eds.) Religion and Cyberspace, pp. 166–179. New York: Routledge.
5. Dawson, L. (2001) “Researching Religion in Cyberspace: Issues and Strategies”, in J. Hadden, D. Cowan (eds.) Religion on the Internet: Research Prospects and Promises, Religion and the Social Order, vol. 8, pp. 25–54. New York: JAI Press.
6. Dixon, P. (1997) Cyberchurch: Christianity and the Internet. Eastborne, UK: Kingsway Publications.

Г. Хьюстон[7], П. Бабин, А. А. Жуковски[8] и многие другие). В центре внимания находятся различные интерпретации восприятия интернет-технологий: интернет рассматривается как контекст для создания сообществ, проведены многочисленные эмпирические исследования христианских онлайн-практик. Подробный обзор этих исследований выполнили Хейди Кэмпбелл (H. Cambell) и Пол Тойснер (P. Teusner) в главе монографии, посвященной христианским рефлексиям над виртуальной жизнью[9]. Изучению взаимосвязи религии и медиа на постсоветском пространстве посвящено небольшое количество работ. В частности, один из выпусков онлайн-журнала Digital Icons посвящен «цифровому православию» в России[10], в том числе официальным дискурсам РПЦ об отношении к интернету, религиозным практикам с использованием цифровых технологий и способам самовыражения в цифровой среде. Следует также отметить, что изучением онлайн-практик христианских сообществ занимаются Е. Гришаева и В. Шумкова[11].

Однако исследований, посвященных тому, как интернет и социальные сети используются в разных старообрядческих сообществах, до настоящего времени опубликовано не было. Вместе с тем, это направление представляет интерес, поскольку затрагивает сразу несколько актуальных проблем, среди которых не только появление новых повседневных практик в религиозных сообществах, их осмысление и взаимодействие традиционных моделей поведения с техническими инновациями, но и поиск новых способов включения в сообщество, стратегии, направленные на обеспечение присутствия религии в публичном пространстве, и, конечно, те изменения, которые современные технологии

7. Houston, G. (1998) Virtual Morality: Christian Ethics in the Computer Age. Leicester, UK: Apollos.
8. Babin, P. and Zukowski, A.A. (2002) The Gospel in Cyberspace: Nurturing Faith in the Internet Age. Chicago, IL: Loyola Press.
9. Campbell, H.A. and Teusner, P.E. (2011) “Religious authority in the Age of Internet”, in R.B. Kruschwitz (ed.) Virtual lives: Christian reflections, pp. 59–68. Waco, TX: Baylor University Press.
10. Digital Icons. Issue 14. Digital Orthodoxy: Mediating Post-Secularity in Russia https://www.digitalicons.org/issue14/ [доступ от 20.03.2020].
11. См., например: Гришаева Е.И., Шумкова В.А. Церковь «ВКонтакте». Исследование самопрезентации православных приходов в социальной сети vk.com // Медиатизация культуры: конструирование новых текстов и практик: Материалы Международной научной конференции (Москва, 30 ноября — 2 декабря 2018 г.) / Сост. И.С. Душакова, Н.С. Душакова. М.: Издательский дом «Неолит», 2018. С. 36–42.

и их использование вызывают внутри самих сообществ. То обстоятельство, что среди старообрядцев в настоящее время существуют очень разные взгляды на использование интернета и социальных сетей, — от полного или выборочного принятия до обоснованного отказа — делает углубление в обозначенную проблематику еще более интересным.

Методологические подходы

Анализ способов представления религии в социальных сетях и того влияния, которое, в свою очередь, использование медиатехнологий и присутствие в публичном пространстве оказывают на сами сообщества, проводится на основе материалов онлайн-наблюдений, а также антропологических наблюдений и интервью со старообрядцами Молдовы и Румынии, записанных во время экспедиций 2008–2019 гг. В статье я рассматриваю онлайн-страницы тех общин и поселений, в которых ранее проводила полевые исследования. Материалы этнографических наблюдений позволяют лучше понять, что происходит в онлайн-среде: знание поля дает возможность различать участников онлайн-общения, понимать более широкий контекст взаимодействия. Такой подход также позволяет проанализировать офлайн и онлайн-практики как дополняющие друг друга, направленные на функционирование в различных контекстах (а не противопоставляя их)[12]. Отказ от четкого разграничения онлайн и офлайн-практик обусловлен невозможностью их корректного разделения из-за тесных взаимосвязей в повседневности. Например, можно провести службу в церкви, после чего выложить ее видеозапись на свою страницу в Фейсбуке. Существует множество вариантов дальнейшего использования этой записи: ее смогут посмотреть те прихожане, которые на службе отсутствовали, или пересмотреть еще раз те, кому удалось побывать на службе. Этот пример демонстрирует, что отдельные посты и страницы в социальных сетях можно рассматривать как расширение религиозных практик.

Анализируя, как старообрядцы обеспечивают присутствие своей религии в социальных сетях, я опираюсь на теоретические разработки Хейди Кэмпбелл. В своих исследованиях о том, как

12. См., например, Georgalou, M. (2017) Discourse and Identity on Facebook. London, New York: Bloomsbury Academic; Yus, F. (2011) Cyberpragmatics: Internet-Mediated Communication in Context. Amsterdam: John Benjamins.

социальные медиа могут использоваться в различных конфессиональных сообществах, она призывает уделять внимание не только религиозной традиции (в нашем случае речь бы шла о некоторой общей старообрядческой традиции или даже более конкретно, например традиции белокриницких старообрядцев), но и практикам в отдельных группах[13] (например среди белокриницких старообрядцев города Кишинева). Кэмпбелл обратила внимание на то, что способы и цели использования социальных медиа могут варьироваться в различных сообществах одной религиозной традиции в зависимости от целого ряда факторов: того, как они определяют границы сообщества, как относятся к религиозным лидерам и текстовым медиа[14]. Исследовательница предложила свой подход к анализу взаимодействия религиозных сообществ с новыми медиа — религиозно-социальное формирование технологий (RSST). При таком подходе важно учитывать, как представители религиозных сообществ реагируют на медиатехнологии, какие верования и представления влияют на их выбор. Если технология тем или иным образом воспринимается в сообществе под влиянием религиозных и социокультурных факторов, то и само сообщество меняется под влиянием медиатехнологии. Для того чтобы ответить на вопросы о том, как внутри сообщества происходит формирование ответов на новые формы медийных технологий, Кэмпбелл предлагает при анализе обращать внимание на историю, традиции, верования и представления, процесс обсуждения и оценки внутри сообщества, дискурсы[15].

Я рассматриваю различные точки зрения, сомнения и процесс выработки норм в использовании социальных сетей старообрядцами, привлекая постановления Освященных Соборов, сведения о деятельности церкви, материалы интервью и наблюдений, записанные среди старообрядцев белокриницкого и новозыбковского согласий в Молдове и Румынии, а также данные онлайн-наблюдений над тем, как старообрядцы этого же региона ведут свои страницы в социальных сетях.

В отношении этической стороны исследований я придерживалась нескольких важных принципов. Некоторые из моих собеседников во время устных интервью выразили желание остать-

13. Campbell, H. (2010) When Religion Meets New Media, p. 20. New York: Routledge.

14. Ibid, p. 15.

15. Подробнее см.: Campbell, H. (2010) When Religion Meets New Media. New York: Routledge.

ся анонимными, поэтому сведения о них в статье приводиться не будут. В таких случаях, чтобы избежать узнавания, я указываю только регион, без названия населенного пункта. Отсутствие устоявшейся и общепринятой позиции об этике онлайн-наблюдений вызывает, на мой взгляд, необходимость проговаривать принимаемые в каждом отдельном случае решения потенциальных проблем. В этой статье я подробно рассматриваю только открытые, общедоступные страницы сообществ в социальных сетях, в цели которых входит информирование о своей культуре и религии широкой аудитории. Вопрос о том, стоит ли приводить имена авторов постов из таких общедоступных ресурсов, для данной статьи был решен в пользу открытых данных, поскольку соответствующие высказывания делаются в публичном пространстве[16], а материалы устных интервью и онлайн-наблюдений позволяют сделать выводы о том, что эта публичность осознается участниками онлайн-коммуникации.

Отношение к интернету: официальная позиция РПСЦ

Электронные медиа выступают одним из современных каналов миссионерской деятельности. Присутствие религии в интернет-пространстве в настоящее время поощряется институционально.

Вопросы, связанные с пользованием интернетом, в последние годы обсуждаются на Освященных Соборах Русской Православной старообрядческой церкви Московской Митрополии. В текстах постановлений Освященного Собора за 2011 год, касающихся информационно-издательской деятельности РПСЦ, был отмечен интерес к новым медиа. В частности, было принято решение «шире применять возможности современных информационных ресурсов для проповеди веры»[17]. В 2013 году в повестку Освященного Собора был уже включен отдельный вопрос об отношении к интернету, обсуждались его преимущества и недостатки:

> Священник отметил, что любое виртуальное действие в сети оставляет неизгладимый отпечаток в системах мониторинга и хранения

16. Кстати, к аналогичному решению приходят авторы рекомендаций по библиографическому описанию и правилам цитирования, разработанным в Школе культурологии НИУ ВШЭ: [https://culture.hse.ru/standart_bibliograf_opisanija, доступ от 20.03.2020].

17. Постановления Освященного Собора РПСЦ (Москва, 18–20 октября 2011 г.)// [http://rpsc.ru/docs/sobory/os2011/, доступ от 20.03.2020].

> информации. Поэтому, по его мнению, люди должны понимать, что поведение человека в сети должно быть не менее, но даже более ответственно, чем поведение в обычной жизни[18].

Соответствующее постановление по итогам Освященного Собора гласит: «Христианам при пользовании сетью Интернет быть духовно бдительными»[19]. В 2019 году обсуждался вопрос «о деятельности старообрядцев в интернете», по итогам заседания было принято решение

> призвать христиан ответственно относиться к своим высказываниям в интернете и других средствах массовой информации, соблюдая христианскую этику и помня, что, по слову Писания: «...всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадят о нем слово в день судный (Мф. 12, 36)»[20].

Параллельно с выработкой официальной позиции Церкви и обсуждением приемлемых способов обеспечить присутствие старообрядчества в онлайн-пространстве, организуются различные онлайн-курсы для старообрядцев и всех заинтересованных.

В сентябре 2019 года Просветительский отдел Московской Митрополии РПСЦ открыл «Воскресную школу онлайн» для взрослых, в рамках которой для всех желающих читаются лекции по нескольким направлениям: толкование Апостола, Ветхий Завет, богослужебный устав, церковнославянский язык. Лекции записываются и после вебинаров выкладываются на сайте *nashavera.com*, в социальной сети *ВКонтакте*, а также на *YouTube*[21].

Онлайн-курс «Основы церковной журналистики» был тоже организован Московской Митрополией РПСЦ в 2019 году. В курсе после заполнения анкеты и обоснования своего интереса мог принять участие любой желающий. Основная целевая аудито-

18. Второе заседание Освященного Собора 16 октября 2013 года: [https://ruvera.ru/news/vtoroe_zasedanie_osvyashennogo_sobora, доступ от 20.03.2020].
19. Постановления Освященного Собора РПСЦ Москва, 16–17 октября 2013 года [http://rpsc.ru/docs/sobory/os2013/, доступ от 20.03.2020].
20. Постановления Освященного Собора РПСЦ (Москва, 22–23 октября 2019 г.) // [https://ruvera.ru/articles/postanovleniya_sobora_rpsc_2019, доступ от 20.03.2020].
21. Подробнее о курсе см.: [http://rpsc.ru/news/mitropoliya/sm-january2020/?fbclid=IwARodjfwkcBCnoISr7KEUUtNBaC2XYAm4e1Bok1XdS3ROwLp4KGsE6w1u3H4, доступ от 20.03.2020].

рия — активные старообрядцы, «которые планируют освоить или уже работают в сфере медиапространства (ведут приходской сайт, пишут новости, публикуют заметки в соцсетях)»[22]. Среди слушателей были старообрядцы из разных регионов России и зарубежья, в том числе из Молдовы. На лекциях по церковной журналистике неоднократно повторялись мысли о том, что основная цель церковных СМИ — это проповедь, и важно очень точно понимать, что можно и чего не стоит говорить о старообрядчестве в социальных сетях.

Официальные дискурсы и практики, как показала Кэмпбелл, играют важную роль в формировании внутри сообществ ответов на вызовы, связанные с применением современных технологий. Анализ официальной позиции РПСЦ об отношении к интернету и онлайн-ресурсам позволяет говорить о готовности и поощрении к использованию социальных сетей в миссионерской деятельности.

Несмотря на это, среди старообрядцев, в том числе священников, до настоящего времени распространены разные мнения на этот счет. Многие священнослужители высказываются против жизни в изоляции и нередко сами являются не только активными пользователями социальных сетей, но и модераторами страниц старообрядческих сообществ. С другой стороны, среди священников изучаемого региона встречаются и отрицательные взгляды на использование социальных сетей и распространение информации о старообрядчестве в интернете.

Отношение старообрядцев к интернету: взгляды «из поля»

Одно из обстоятельств, которое усложняет ситуацию, одновременно делая ее еще более интересной, — это то, что до настоящего времени представители некоторых, преимущественно сельских, общин воспринимают интернет (и социальные сети) как один из негативных факторов современной жизни. Здесь речь идет о том, что Кэмпбелл вслед за Дж. Ферре назвала взглядом на медиатехнологии как на самостоятельный способ познания: медиа формируют культуру, а представители религиозных сообществ относятся к медиатехнологиям с подозрением, поскольку

22. См. подробности на сайте РПСЦ: [http://rpsc.ru/news/mitropoliya/journalist-2019/, доступ от 20.03.2020].

последние способствуют продвижению ценностей, противоречащих религиозным убеждениям[23]. Занимаясь исследованиями старообрядчества Молдовы и Румынии с 2008 года, я встречалась с подобным отношением к новым медиа среди старообрядцев новозыбковского согласия[24] в селе Сарикей (уезд Тулча, Румыния), а также среди представителей старшего поколения белокриницких старообрядцев региона (с. Кунича, с. Егоровка, с. Старая Добруджа — Республика Молдова, г. Бендеры — непризнанная Приднестровская Молдавская Республика).

Рассмотрим два показательных случая из поля:

1. Село Сарикей, октябрь 2018 года. Заканчивая интервью с представительницей новозыбковского согласия у нее дома, я попросила разрешение сфотографировать свою собеседницу. Она разрешила сделать фотографию, а потом добавила: «Только не ставь меня в Фейсбук! А то я знаю эти... Вот у меня даже на телефоне нет интернета, нет Фейсбука, только чтобы звонить можно было. Ты же видишь, у меня и телевизора в доме нет, мы так живем» (ж., 1962 г.р., новозыбковское согласие).
2. Село Кунича, август 2017 года. «Не надо меня фотографировать! [Почему, на память бы осталась фотография?] Нет-нет! Мне говорят, что дают в эту интернету! Не надо, я не хочу это, я боюся, я уже маю [имею, т.е. здесь в значении «мне пора» — Н.Д.] умирать, не надо мне. Господи прости!» Чуть позже моя собеседница объяснила: «Это гордыня, нам не положено» (ж., 1931 г. р., белокриницкое согласие).

В первом случае интернет и социальная сеть «Фейсбук» фигурируют в одном типологическом ряду с телевизором, который в старообрядческой среде региона часто воспринимается как «дьявольское око» или «проявление бесовщины». Во втором случае интернет — это тоже не нейтральная платформа, но мотивиров-

23. Подробнее об этом см.: Campbell, H. (2010) When Religion Meets New Media. New York: Routledge. Глава 2 (перевод в этом номере журнала).

24. Это характерно не для всех старообрядцев данного согласия. В частности, на старообрядческом сайте ruvera.ru опубликована статья о староверах Иркутска, в которой говорится в том числе о том, что новозыбковские старообрядцы «пользуются современными коммуникациями: смотрят телевизор, используют Интернет и современные мобильные телефоны. Как говорит настоятель общины, “Бог дал, надо пользоваться”». Подробнее см.: Гергесова Л. Как живут современные старообрядцы // Русская вера. 02.01.2019 [https://ruvera.ru/articles/kak_jivut_sovremennye_staroobryadcy, доступ от 03.10.2019].

ка отличается: нейтральный статус она теряет как раз из-за сопутствующего присутствия в публичном пространстве, поскольку, с точки зрения моей собеседницы, желание быть заметным греховно («это гордыня»). Второй случай становится еще более любопытным, если обратиться к более ранним полевым материалам. Еще в 2011 году та же жительница Куничи, которая отказалась фотографироваться в 2017 году, давала свое согласие на фотосъемку. Можно предположить, что в этом случае угроза попасть в интернет вызвала запрет, который привел к еще большей, чем раньше, степени закрытости.

Параллели подобного восприятия интернета можно встретить и среди старообрядцев других согласий и регионов, например, у часовенного согласия, представители которого «стремятся не афишировать свои личные данные. Также они стараются не фотографироваться и тем более не попадать в Интернет»[25], то есть отношение к новым технологиям формируется через отношение к уже известным. Об этом же среди часовенных пишет Д. Рыговский, который во время полевых исследований столкнулся с обеспокоенностью своих собеседников, которую вызывала перспектива появления данных о них или записи разговора с ними в интернете[26].

Среди старообрядцев Молдовы и Румынии, которые используют интернет в повседневной жизни, распространены представления о том, что во время постов и/или религиозных праздников следует ограничивать себя в пользовании интернетом и не писать в социальных сетях. Происхождение подобного запрета установить сегодня сложно, но показательным в этом контексте видится то, что упомянутый онлайн-курс по основам церковной журналистики, организованный Московской митрополией РПСЦ, на время поста также прерывался. Кроме того, ограничить присутствие в социальных сетях во время Великого поста призывают и представители РПЦ, мотивируя это тем, что «социальные сети — это пространство, пожирающее время», а пост дает «мощную вне-

25. О старообрядцах Иркутска см.: Гергесова Л. Как живут современные старообрядцы // Русская вера. 02.01.2019 [https://ruvera.ru/articles/kak_jivut_sovremennye_staroobryadcy, доступ от 03.10.2019].

26. Рыговский Д. Техника и ее репрезентация как источник религиозного опыта в енисейском старообрядчестве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 4 (37). С. 20, 38.

шнюю подпорку, чтобы попытаться с этим пожирателем времени побороться»[27].

Многие старообрядцы Молдовы хоть раз в жизни бывали в Москве на Рогожском — в духовном центре старообрядцев белокриницкого согласия. Соответственно, те нормы и правила, которые функционируют в самой рогожской общине, становятся известными и в отдельных случаях распространяются посетителями на свою общину («Если так делают на Рогожском, то, значит, так надо»). Одно из таких правил, которые переносятся на другие общины, в том числе зарубежья, — это запрет на фотографирование в храме, который мотивируется тем, что «фотографирование изгоняет святой дух из храма». Следовательно, конструирование пространства своей религии в социальной сети с привлечением фотоматериалов будет для них нарушением указанного запрета.

У некоторых старообрядческих общин региона на сегодняшний день вообще нет страниц в социальных сетях, но их отсутствие не говорит о том, что все представители общины относятся к ним отрицательно. Некоторые прихожане сельских храмов Молдовы подписаны на страницу Кишиневской старообрядческой общины, о которой пойдет речь ниже. Соответственно, и присутствие страницы общины в социальной сети не говорит о том, что большинство это одобряет или подписаны на нее (а в некоторых случаях просто не знают о существовании такой страницы).

Далее я остановлюсь на том, какие способы позиционирования старообрядчества в социальных сетях выбирают модераторы существующих страниц, то есть в тех ситуациях, когда выбор уже сделан в пользу присутствия своей религии в интернете, рассмотрю сходства и различия этих способов, а также то, как в разных случаях социальные сети участвуют в формировании сообществ, их идентичности и границ, в осуществлении межконфессионального диалога.

Цифровой нарратив о церковной жизни общины

Один из распространенных способов сделать религию заметной в социальных медиа — создать официальную страницу или группу сообщества. Такие страницы нередко модерируются священ-

27. «РЦП призывает ограничить присутствие в соцсетях во время поста» // Интерфакс-религия. 03.03.2020. [http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=74355&fbclid=IwAR2HXt-ozelbYkiZRwoVK8PBh-TVSXohk5jJ_AML-h3vcAqyyY7oDmlZxXA].

никами и отражают деятельность церкви. Поскольку нарратив о церковной жизни общины производится и бытует в цифровой среде, я называю его цифровым нарративом.

Рассмотрим страницу Старообрядческой общины Покрова Пресвятой Богородицы г. Кишинева в Фейсбуке[28]. Страница была создана 9 ноября 2013 года, на 1 октября 2019 года у нее 341 подписчик. Среди них не только прихожане кишиневской церкви, но и представители других старообрядческих общин Молдовы, старообрядцы из Москвы, исследователи старообрядческой культуры и просто интересующиеся делами общины. В разделе «Информация» указана категория «сообщество», приведено название общины и адрес храма: «старообрядческая община Покрова Пресвятой Богородицы г. Кишинева. Кишинев, ул. Мазараки 3/5». Посты, оставляемые пользователями, выведены в отдельное поле, которое не отображается на основной новостной ленте страницы (они видны при переходе с главной страницы в раздел «публикации», где сбоку отображается рубрика «публикации посетителей»). Видимыми оказываются, в первую очередь, посты, публикуемые модератором страницы. Управление страницей осуществляется от имени общины.

На страницу выкладываются профессиональные фотографии и/или видеозаписи богослужений, крестных ходов, важных событий из церковной жизни общины. Хотя превалируют визуальные материалы, встречаются и текстовые. Важная особенность представления старообрядчества в социальной сети — существенно отличающиеся от формального религиозного дискурса приемы говорения о религии: не проповеди, а «небольшие фрагменты текста, видео и ссылки на другие онлайн-источники находятся в центре социального взаимодействия» на многих платформах, в том числе в Фейсбуке[29]. Однако на рассматриваемой странице можно найти и такие посты, в которых модератор приближается к традиционному для священнослужителя дискурсу (например визуальный ряд из профессиональных фотографий дополняется текстом церковных песнопений).

28. Страница старообрядческой общины Покрова Пресвятой Богородицы [https://www.facebook.com/Старообрядческая-община-Покрова-Пресвятой-Богородицы-г-Кишинёва-545640012186688/, доступ от 20.03.2020].

29. Campbell, H.A. et Teusner, P.E. (2011) “Religious Authority in the Age of Internet”, in R.B. Kruschwitz (ed.) Virtual Lives: Christian Reflections, p. 65. Waco, TX: Baylor University Press.

Использование мультимедийных данных работает на создание эффекта соприсутствия, что подтверждают и комментарии к постам (см., например, рис. 1).

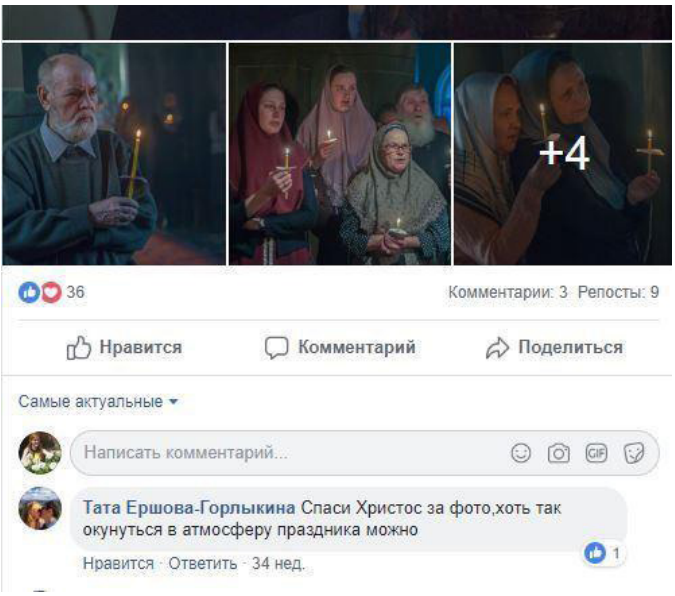

Рис. 1

Соприсутствие оказывается важным в первую очередь для бывших прихожан храма Покрова Пресвятой Богородицы (Мазаракиевского), которые уехали из Кишинева, а также для многих старообрядцев Молдовы, которые периодически посещают здесь службы.

Публичность конструируется и посредством представления общины через форму страницы как открытого источника, а не группы, в которой можно было бы контролировать поток посетителей[30]. Страницу посещать могут все пользователи Фейсбука, хотя большинство тех, кто ставит лайки и комментирует посты, — старообрядцы. Тем не менее, у представителей других конфессий тоже есть возможность следить за обновлениями на странице, смотреть видео и фотографии, в том числе сделанные внутри храма. Что же касается комментариев «извне», то на них подробных

30. Здесь нельзя с уверенностью сказать, что такой выбор обусловлен не техническими навыками модератора. Однако для данного исследования не столь важна интенция администратора, сколько то, как созданная страница работает и обеспечивает присутствие религии в онлайн-пространстве.

ответов не дается. Иллюстрацией здесь может служить следующий диалог о старообрядцах и молоканах (см. рис. 2):

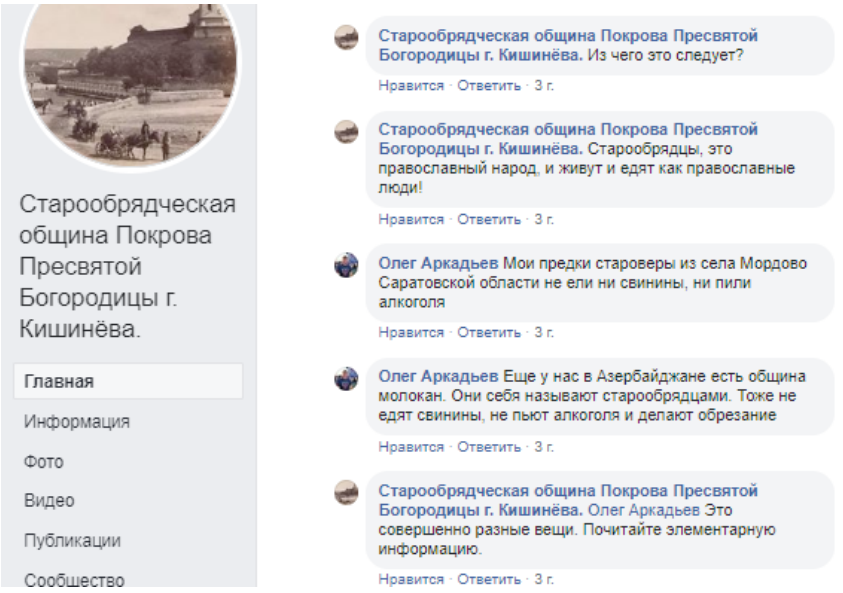

Рис. 2

Другой пример — отсутствие реакции модератора на вопрос под постом 30 апреля 2016 г. («Почему у некоторых четки Лествица висят на руке? Что это означает?»). Такая неизменная позиция модератора, на мой взгляд, может свидетельствовать о том, что, несмотря на то что технически страница открыта для всех, целевая аудитория страницы — это в первую очередь старообрядцы. Человек со стороны может наблюдать, но так, чтобы изнутри сообщества не создавалось ощущения присутствия чужого, чтобы для них эта страница все же оставалась пространством для своих.

Влияние на сообщество медиатехнологии, о котором говорит Кэмпбелл, в случае старообрядческой общины г. Кишинева прослеживается в полной мере, особенно если рассматривать практики офлайн и онлайн как дополняющие друг друга. Во-первых, присутствие религии в социальной сети позволяет оставаться включенными в сообщество бывшим прихожанам, которые не могут посещать храм из-за переезда в другой город/село. Во-вторых, в сообщество включаются старообрядцы из других городов/сел и стран, которые следят за страни-

цей — за событиями в церковной жизни кишиневской общины. В-третьих, видно, что онлайн продолжают до некоторой степени исключаться из взаимодействия представители других конфессий или, точнее, те из них, которые выходят за рамки роли молчаливого и незаметного для сообщества наблюдателя. Но, по сути, им доступна вся та же информация, что и членам общины. Отличие в том, что последним не требуется никаких дополнительных разъяснений.

Подобное выстраивание цифрового нарратива от имени кишиневской старообрядческой общины проявляет во многом сходную позицию со многими священнослужителями региона. Например, один из священников (белокриницкое согласие), с которыми мне удалось побеседовать, высказал следующее мнение о старообрядческих группах/страницах в социальных сетях: «Люди, которые обсуждают традиции в сетях, сами не сильно знают. Те, кто хорошо знают традиции, перестают это обсуждать. Люди новые в вере это обсуждают». Во время интервью он подчеркнул, что сам в социальных сетях особенности старообрядческих традиций никому не разъясняет. Однако здесь все же важно провести различение между представлением о допустимом или необходимом присутствии информации об общине в интернете и, в частности, в социальных сетях, пусть и без ответов на уточняющие вопросы «людей новых в вере», — и неприятием присутствия религии в онлайн-пространстве. Во время проведения полевых исследований в одном из старообрядческих сел Северо-Западного Причерноморья я разговаривала со священником (того же белокриницкого согласия), который не только не одобряет создания страницы своей общины в Фейсбуке, но и сам не пользуется социальными сетями, а информацию, которую встречает в интернете о старообрядческих традициях в своем селе, считает искаженной.

Если онлайн-пространство общины, конструируемое модератором страницы, видимо для всех пользователей социальной сети «Фейсбук», а исключение, хотя здесь точнее говорить о не-включении, происходит только на основании отказа отвечать на уточняющие вопросы, то лидеры других старообрядческих общин практикуют и иные стратегии закрыть от посторонних свое религиозное пространство в сети. Так, в соцсети «ВКонтакте» представление своей общины зачастую происходит в форме закрытых групп, в которые принимаются только представители того же старообрядческого согласия. Такова, например, закрытая группа по-

морской общины, о которой рассказывают в Новодвинске (Архангельская область):

> Пользователей, придерживающихся другой веры, администраторы закрытых групп не принимают — каждому, отправившему запрос, приходит сообщение, в какую общину входит пользователь. В случае обмана человек быстро вычисляется администратором[31].

Если Фейсбук дает на выбор несколько вариантов — страница (открытая информация, где у администраторов чуть больше прав, и они могут модерировать пользовательскую активность) или группа (три типа групп: открытые, закрытые и секретные), то «ВКонтакте» предоставляет выбор между открытыми и закрытыми сообществами.

Проживаемая религия в социальной сети

Другой способ обеспечить присутствие своей религии в публичном пространстве — рассказать о ней посредством представления в социальной сети повседневной жизни села, в котором большинство населения составляют представители одной этноконфессиональной общности. На страницах населенных пунктов старообрядчество представлено как проживаемая религия (*lived religion*) через сельскую повседневность. Здесь используются другие стратегии конструирования своего онлайн-пространства, а отсутствие санкций на каждую публикацию от руководства общины сказывается на выборе контента и способе его представления.

В качестве примера рассмотрим страницу села Егоровки Фалештского района Республики Молдовы в Фейсбуке[32]. Страница была создана 17 января 2011 года, к 1 октября 2019 года на страницу было подписано 83 человека, большинство из которых составляют нынешние жители села и те, кто переехал в другие города/села. В разделе «Информация» написано о времени основания села и его расположении: «Наше село Егоровка (*Egorovca*, осн.

31. Карлинер Д. Что ни дом — то обычай. Почему свой крест, платок и своя чашка важны для староверов-поморов // Заповедник. 11.04.2016 [https://zapovednik.space/material/chto-ni-dom-to-obychay, доступ от 10.09.2019].

32. Страница села Егоровки Фалештского района Молдовы [online] [https://www.facebook.com/cЕгоровка-Фалештского-района-Молдова-178933328814088/?ref=br_rs, доступ от 20.03.2020].

в 1919 году) находится в солнечной Молдавии (*Moldova*), рядом с городом Бельцы (*Bălţi*), в Фалештском районе (*Făleşti*)»[33]. Страница размещена модератором в категориях «Спорт и досуг», «Восточная православная церковь». В рубрике «История» опубликованы тексты о селе Натальи Розамириной, журналиста газеты «АиФ — Молдова» (г. Кишинев), которая в детстве жила в Егоровке. Перед рассказами о селе размещен призыв «Сохраним родное село!», и далее — «Ждем от тебя фото и видео о жизни старообрядческого села Егоровка!». Контент этой страницы открыт для всех пользователей Фейсбука, при этом основная целевая аудитория — жители Егоровки/егоровчане (к ним часто обращаются модератор и другие авторы постов).

С одной стороны, открывая эту страницу, мы сразу видим типичный способ самопрезентации небольшого населенного пункта: в качестве информационных поводов выступают праздники, смена времен года, совместные работы, начало учебного года. Целый ряд публикаций посвящен празднованию 100-летия села (подготовке, самому празднику, поздравлениям егоровчан). На странице информация подается через рубрики, типичные для SMM-стратегий: фотографии (красивые места, кадры с празднований), пост-настроение (может сопровождаться фото и обычно посвящен любви к родному селу), факт дня, статья (чаще всего это развернутый исторический экскурс), видео (преимущественно этнографический материал), нередко публикуются и заметки со стихотворениями.

С другой стороны, материал на странице дает представление о проживаемой религии: фотографии позволяют понять, насколько в общине соблюдаются предписания (например, в отношении церковной одежды, способа повязывать платок), какие праздники празднуются, какое количество человек посещает церковь, какими воспоминаниями делятся те, кто следит за обновлениями страницы. Вот несколько примеров таких постов (см. рис. 3 и рис. 4):

33. В скобках приводятся названия на румынском языке, стиль автора сохранен, см.: [https://www.facebook.com/pg/%D1%81%D0%95%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D0%B0-%D0%A4%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%88%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D0%B0-%D0%9C%D0%BE%D0%BB%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0-178933328814088/about/?ref=page_internal, доступ от 20.03.2020].

с.Егоровка Фалештского района Молдова
20 сентября
Наши односельчане в храме
В честь Праздника Рожества Богородицы.
#Егоровка
3

Рис.3

Нравится
Подписки
Поделиться
с.Егоровка Фалештского района Молдова
Главная
Информация
Фото
Видео
Публикации
Сообщество
Создать Страницу
с.Егоровка Фалештского района Молдова
28 сентября в 15:13
Крестный ход в с. Егоровка
От храма к поклонному кресту
Молдавия. 21.09.2019 г.
Смотреть с друзьями или группой
Начать совместный просмотр
14
Поделились: 7

Рис. 4

Модератор страницы вписывает село Егоровку в сеть старообрядческих общин региона (того же белокриницкого согласия). В частности, посты о соседях — это практически всегда посты о ближайших старообрядческих селах (рис. 5 и рис. 6), фотографии достопримечательностей вне села — это зачастую фотографии храмов других старообрядческих общин. На странице осуществляется информирование об истории, традициях и событиях в старообрядческих селах региона. Таким образом, одной из важных функций страницы является, очевидно, поддержание связей общины со старообрядцами белокриницкого согласия, проживающими в Северо-Западном Причерноморье.

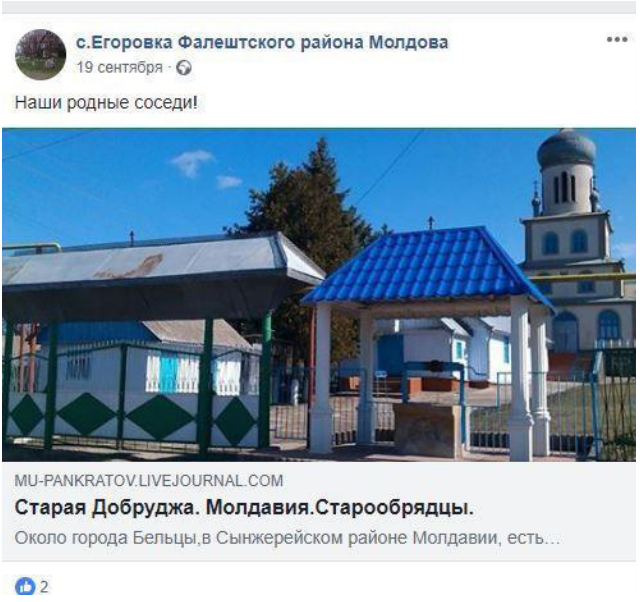

Рис. 5

Нарратив о сельской повседневности включает сюжеты не только о религиозной жизни села, но и, например, воспоминания о колхозе (рис. 7), рассказы о пчеловодстве, объявления о продаже фруктов и т.д. Однако тот факт, что наполнением страницы занимается не религиозный лидер, от которого аудитория обычно ожидает информации о церковной жизни, о правилах, характерных для той или иной старообрядческой традиции, нарратив рассматриваемой страницы скорее отражает проживаемую религию.

Рис. 6

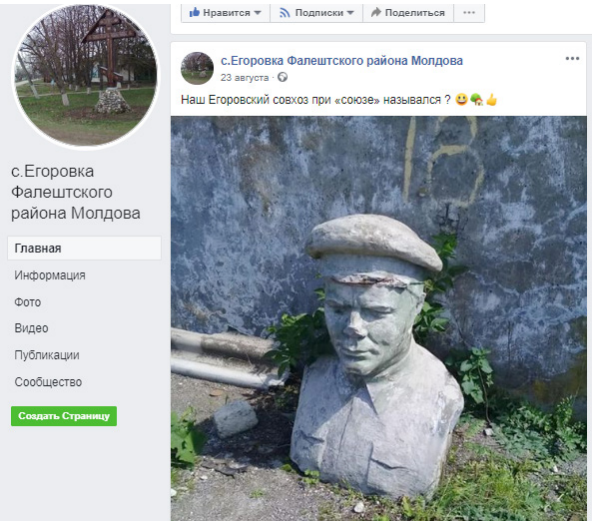

Рис. 7

Сопоставляя этот цифровой нарратив с данными полевых исследований в Егоровке, могу отметить, что на странице представлена информация о тех старообрядческих общинах, с которыми поддерживаются наиболее тесные культурные и экономические

связи. Что же касается отношения к использованию интернета и соцсетей, то именно в этом селе представлений о подобном запрете мной зафиксировано не было.

Предписание на ограничение пользования интернетом и соцсетями на время поста и/или религиозных праздников, судя по полевым материалам, распространенных в регионе, модераторы обеих из рассмотренных страниц не соблюдают. На странице Кишиневской старообрядческой общины фотографии и видеозаписи важных событий из церковной жизни публикуются на следующий день, а иногда и в день события. На странице села Егоровки часть фотографий публикуется через некоторое время после религиозного праздника, но поздравления с праздниками, как с религиозными, так и светскими, обращенные к егоровчанам, часто пишутся в день праздника. Перерывов в публикационной активности на рассмотренных страницах во время постов я не заметила.

Заключение

Несмотря на все различия как в целях, так и в способах подачи контента, в обоих случаях обеспечивается присутствие старообрядчества в онлайн-пространстве, заметного не только непосредственно внутри своей группы, но и за ее пределами. В ситуации, когда трансляция религиозных практик в социальных медиа санкционирована (как, например, это происходит в Кишиневской старообрядческой общине), большинство старообрядцев региона способствуют расширению практик в медийном пространстве. С другой стороны, среди более консервативных старообрядцев, которые соблюдают запрет на пользование социальными сетями, помещая их в один типологический ряд с телевизором и другими технологическими новшествами, о деятельности общины по расширению религиозных практик в онлайн-пространство (например, провести богослужение и после этого выложить его видеозапись на Фейсбуке) часто не известно. Однако если подача информации о религии через фотографии, видеозаписи, ссылки, короткие тексты может восприниматься как контрастирующая с более типичным религиозным дискурсом, то в социальной сети она отлично выполняет свои функции. В случае представления религии в социальных сетях через цифровой нарратив о повседневности, все перечисленные типы сообщений кажутся вполне естественными. Можно говорить о том, что «нормализация» интернета среди большинства представителей старообрядческих сообществ происходит без конструирования особых теологических дискурсов по этому поводу.

Как показывают полевые исследования, можно прогнозировать дальнейшее расширение присутствия старообрядчества в социальных сетях. Некоторые представители общин региона в интервью говорили о намерениях создавать соответствующие страницы и группы в социальных сетях, но перед ними стоит целый ряд важных вопросов, связанных с пределами конструируемого онлайн-пространства: как именно представлять свою общину в онлайн-среде, о чем стоит писать / о чем упоминать нельзя, как проводить границу с представителями других конфессий.

Живой процесс обсуждения новых норм и пределов в использовании социальных медиа наряду с актуальными практиками создания своих страниц и групп вызывают изменения и в офлайн-среде. В первую очередь это связано с осмыслением системы границ. С одной стороны, перед лицом угрозы попадания в публичное интернет-пространство в сообществах вырабатываются правила, соблюдение которых призвано обезопасить от нежеланной публичности (например, полный запрет на фотографирование или прямой запрет на использование социальных сетей). Мотивировки запретов могут варьироваться от страха осуждения или нежелания «проявлять гордыню» до стремления сохранить то, что М. Херцфельд назвал «культурной интимностью»[34]. С другой стороны, осознавая новые возможности, предоставляемые социальными медиа, многие представители старообрядческих сообществ считают важным самим создавать нарративы о своей культуре, разрушая сложившиеся стереотипы или предоставляя ту информацию о себе, которая призвана служить достоверным источником о старообрядчестве.

Библиография / References

Гергесова Л. Как живут современные старообрядцы // Русская вера. 02.01.2019 [https://ruvera.ru/articles/kak_jivut_sovremennye_staroobryadcy, доступ от 03.10.2019].

Гришаева Е.И., Шумкова В.А. Церковь «ВКонтакте». Исследование самопрезентации православных приходов в социальной сети vk.com // Медиатизация культуры: конструирование новых текстов и практик: Материалы Международной научной конференции (Москва, 30 ноября — 2 декабря 2018 г.) / Сост. И.С. Душакова, Н.С. Душакова. М.: Издательский дом «Неолит», 2018. С. 36–42.

Карлинер Д. Что ни дом — то обычай. Почему свой крест, платок и своя чашка важны для староверов-поморов // Заповедник. 11.04.2016 [https://zapovednik.space/material/chto-ni-dom-to-obychay , доступ от 10.09.2019].

34. Herzfeld, M. (1997) Cultural Intimacy: Social Poetics in the Nation-State. N.Y.: Routledge.

Рыговский Д. Техника и ее репрезентация как источник религиозного опыта в енисейском старообрядчестве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 4 (37). С. 19–44.

Babin, P. and Zukowski, A.A. (2002) *The Gospel in Cyberspace: Nurturing Faith in the Internet Age*. Chicago, IL: Loyola Press.

Campbell, H. (2010) *When Religion Meets New Media*. New York: Routledge.

Campbell, H.A. and Teusner, P.E. (2011) "Religious Authority in the Age of Internet", in R. B. Kruschwitz (ed.) *Virtual Lives: Christian Reflections,* pp. 59–68. Waco, TX: Baylor University Press.

Dawson, L. (2001) "Researching Religion in Cyberspace: Issues and Strategies," in J. Hadden, D. Cowan (eds.) *Religion on the Internet: Research Prospects and Promises, Religion and the Social Order*, vol. 8, pp. 25–54. New York: JAI Press.

Digital Icons. Issue 14. Digital Orthodoxy: Mediating Post-Secularity in Russia https://www.digitalicons.org/issue14/

Dixon, P. (1997) *Cyberchurch: Christianity and the Internet*. Eastborne, UK: Kingsway Publications.

Georgalou, M. (2017) *Discourse and Identity on Facebook*. London, New York: Bloomsbury Academic.

Gergesova, L. (2019) "Kak zhivut sovremennye staroobriadtsy" [How Modern Old Believers live], *Russkaia vera* [Russian faith]. [https://ruvera.ru/articles/kak_jivut_sovremennye_staroobryadcy, accessed on 03.10.2019]

Grishaeva, E.I. et Shumkova, V.A. (2018) "Tserkov' «VKontakte». Issledovanie samoprezentatsii pravoslavnykh prikhodov v sotsial'noi seti vk.com" [Church "VKontakte". The Research of Self-Presentation of Orthodox Parishes in the Social Network vk.com], in I.S. Dushakova et N.S. Dushakova (ed.) *Mediatizatsiia kul'tury: konstruirovanie novykh tekstov i praktik: Materialy Mezhdunarodnoĭ nauchnoĭ konferentsii (Moskva, 30 noiabria — 2 dekabria 2018 g.),* pp. 36–42. Moscow: Izdatel'skii dom «Neolit».

Herring, D. (2005) "Virtual as Contextual: A Net News Theology", in M.T. Højsgaard, M. Warburg (eds.) *Religion and Cyberspace*, pp. 149–165. New York: Routledge.

Herzfeld, M. (1997) *Cultural Intimacy: Social Poetics in the Nation-State*. N.Y.: Routledge.

Houston, G. (1998) *Virtual Morality: Christian Ethics in the Computer Age*. Leicester, UK: Apollos.

Karliner, D. (2016) "Chto ni dom — to obychai. Pochemu svoi krest, platok i svoia chashka vazhny dlia staroverov-pomorov", in *Zapovednik* [https://zapovednik.space/material/chto-ni-dom-to-obychay, accessed on 10.09.2019].

Laney, M. (2005) "Christian Web Usage: Motives and Desires", in M.T. Højsgaard, M. Warburg (eds.) *Religion and Cyberspace*, pp. 166–179. New York: Routledge.

Rygovskiy, D. (2019) "Tekhnika i ee reprezentatsiia kak istochnik religioznogo opyta v eniseiskom staroobriadchestve" [Technology and Its Representation as a Source of Religious Experience for Old Believers of Yenisei Region], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 37(4): 19–44.

Young, G. (2004) "Reading and Praying Online: The Continuity in Religion Online and Online Religion in Internet Christianity," in L.L. Dawson, D.E. Cowan, (eds.), *Religion Online: Finding Faith on the Internet*, pp. 86–97. New York: Routledge.

Yus, F. (2011) *Cyberpragmatics: Internet-Mediated Communication in Context*. Amsterdam: John Benjamins.